

А.И. Айбабин

ВИЗАНТИЯ И КРЫМ (история взаимоотношений в конце IV – VII в.)

На протяжении всего периода существования Византии в империи понимали важное геополитическое значение Крыма в распространении влияния империи в Северном Причерноморье. Через Крым Византия поддерживала связи с тюркскими каганатами, хазарским государством и Киевской Русью. Письменные источники и материалы археологических раскопок раскрывают основной унаследованный от Римской империи аспект политики Византии в Крыму: стремление владеть стратегически важными городами полуострова – Херсонесом и Боспором, а также закрепились в Юго-Западном Крыму. Названные города развивали экономические связи с новой столицей империи. По словам ритора Фемистия, в начале 360-х годов Боспор и Херсон были в числе главных поставщиков хлеба в Константинополь [Dagron 1968, 25; Dagron 1974, 531–532].

Боспорское царство одноименный пролив делил на Европейский (Керченский полуостров) и Азиатский (Таманский полуостров) регионы. Южная граница Европейского Боспора проходила где-то за Феодосией. В столице царства – городе Боспоре – в последней четверти III – V в. агора, так же как и в I–II вв., находилась в районе порта и средневекового храма Иоанна Предтечи. Каждый правитель Боспорского царства в надписях IV в. называл себя другом Римской империи. В последние годы пребывания на престоле императора Восточной Римской империи Констанция II (337–361 гг.) боспорский царь получил от императора в дар три серебряных блюда. Как доказала И.П. Засецкая, они сделаны в мастерских Антиохии [Засецкая 1993, 30–32, кат. № 5.38 181]. На двух блюдах видны латинские надписи: «D[omini] N[ostri] Constanti Augusti votis XX». Они свидетельствуют об изготовлении чаш в честь двадцатилетия цезарства Констанция II (в 343 г.) [Мацулевич 1926, 9, табл. II, 3, 4]. На третьем блюде изображен триумфальный

въезд Констанция II в Рим, состоявшийся в 357 г. по случаю его провозглашения единоличным правителем империи [Засецкая 1993, 30, кат. № 5]. Боспор стремился установить союзнические отношения и с преемником Констанция II. По словам Аммиана Марцелина, в 362 г. к императору Юлиану прибыли послы боспорцев. Они предложили выплачивать империи ежегодную дань за разрешение спокойно жить в пределах границ своей страны [Amianus Marcellinus 1972, 22, 7, 10].

Боспорское царство пережило вторжение гуннов в Северное Причерноморье в 376 г. Судя по найденным в Керчи в 1888 г., в Тамани в 1868 г. и на Таманском полуострове надписям, Боспорское царство и в V в. сохранилось как самостоятельное государство, которым управляла прежняя династия [Виноградов 1998, 234–246]. В тексте надписи 483 г. сказано о том, что Диптун возводил себя к правившей на Боспоре с I в. н.э. династии Тибериус-Юлиев и считал себя союзником римлян [Виноградов 1998, 238, 342]. Очевидно, Диптун укреплял оборону города, опасаясь гуннов, обитавших в соседних степях.

Уже в 325 г. в городе Боспоре существовала христианская община. Боспорский епископ Кадм участвовал в Никейском соборе [Vasiliev 1936, 10–13]. Созомен писал о гибели боспорского епископа во время землетрясения в 344 г. в Никомедии, которое произошло до начала собора [Hermiae Sozomeni 1983, IV, cap. XVI, 1155–1156]. Боспорские христиане названы в написанной во второй половине IV в. «Похвале святому мученику Фоке» [Латышев 1899, 33]. В V в. христианство превратилось в господствующую на Боспоре религию. Епископ Боспора Евдоксий участвовал в Константинопольском соборе в 448 г. и в Эфесском в 449 г. [Le Quien 1740, 1328]. Христиан хоронили на старом некрополе на склоне горы Митридат в таких же, как и в предшествующий период, склепах

с лежанками. На территории могильника обнаружены христианские надгробия, отнесенные к V в. На стенах однотипного склепа 491 г. написаны тексты молитв [Кулаковский 1891, 25–27, 29; Зинько 2007, 56–65]. Из окрестностей античной Акры происходит нательный амулет с двумя филиacteriaми на серебряной и золотой пластинах [Виноградов 1998, 240, 241]. С новой идеологией уживался обычай погребать покойников с украшениями и сосудами. Ту же картину мы наблюдаем на территории Византии даже на церковных кладбищах VII в. (Афины, Самос).

В Херсонесе римские войска были вновь расквартированы в период первой Тетрархии (293–313 гг.). В IV и V вв. город по античной традиции называли Херсонесом (Dagron 1974, 531; Zosime, 266. IV. 5. 2; Codex Theodosiani XVI. IX.40.24.). Авторы VI в. [Иордан, 128] и более поздние именовали город Херсоном. В нескольких надписях восстанавливаются названия vexillationes из подразделений нижнедунайских легионов: I Италийского и II Геркулийского [Соломоник 1983, № 12, 53, 55, 56, 59, 60; Sarnovski 1988, 152; Zuckerman 1991, 551]. В одной из надписей упомянуты сопратители Лициний и Константин (313–324 гг.) [Соломоник 1983, № 57]. Возможно, в конце III или в начале IV в. римский гарнизон в городе возглавлял протектор [Цукерман 1994/1995, 553, 554]. При Диоклетиане и Константине I чин протектора присваивали императорским гвардейцам и избранным центурионам. Они возглавляли в легионах отдельные vexillationes и выполняли специальные поручения в пограничных районах империи [Jones 1973, 53, 54, 636, 637]. Видимо, в Херсонесе протектор руководил и строительством лагеря vexillationis и оборонительных сооружений [Айбабин 1999, 51].

Несмотря на то что Херсонес отсутствует в составленном в конце IV – первой четверти V в. официальном списке гражданских и военных должностей *Notitia dignitatum* [1876; ODB 1991, 1496], немногословные сообщения Аммиана Марцеллина и Зосима, а также обнаруженные в Херсонесе надписи вполне определенно свидетельствуют о вхождении города во второй половине IV в. в состав империи. В 364 г. представители императора вынуди-

ли бежать из Херсонеса узурпатора Прокопия, участвовавшего в восстании Юлиана против императора Валента [Zosime, Histoire nouvelle P. 266. IV. 5. 2; ODB 1991, 1731; Айбабин 1999, 53]. В 366 г. в город сослали Фронемия, замешанного в заговоре Прокопия [Ammianus Marcellinus 1996, 377, XXVI. 10. 8]. Как явствует из текста надписи 370–375 гг. [Ростовцев 1907, 13], в результате дислокации в Херсоне при Валенте и сопратителях воинского подразделения баллистариев город стал форпостом империи в Крыму. Баллистариями командовал трибун. Он же руководил реконструкцией городской оборонительной системы. В надписи 392 г. упомянуты «механики», которые, будучи архитекторами и специалистами по военным машинам, служили в легионе баллистариев [Латышев 1901, 57–59; Цукерман 1994/1995, 550]. В процессе последних археолого-реставрационных работ на оборонительных объектах Херсонеса получены материалы, указывающие на оживление фортификационного строительства в восточном портовом районе города. Скорее всего, усиление военного присутствия Восточной Римской империи в городе было вызвано вторжением в степи Приазовья и Северного Причерноморья гуннов [Айбабин 1999, 53–54].

При императоре Зиноне (474–491 гг.) управление городом было передано византийской администрации. Информация о ней содержится в происходящей из Херсонеса надписи 488 г. [Латышев 1896, № 7, 10–15]. Командовать гарнизоном Херсона назначили заместителя для специальных поручений командующего войсками провинции (*magister militum*) Фракии викария [Цукерман 1994/1995, 559–560]. В Херсоне, видимо, наряду с баллистариями находилось дунайское подразделение. Косвенно об этом можно судить по найденной в портовом районе форме для оттиска изображения солдатского святого Лупы – соратника святого Димитрия. Лупа был популярен в основном в Подунавье [Walter 2003, 229–230]. Викариату подчинялся и *πρακτεῖον* – таможня, собиравшая торговые пошлины и сборы. На эти средства содержали баллистариев и ремонтировали крепостные стены. Как сказано в названной надписи, викариатом и практием управлял представитель имперской администрации

комес Диоген. Очевидно, он являлся главным военным и гражданским начальником в городе. В период правления Зинова были реконструированы важные узлы Херсонской оборонительной системы. В портовом районе перестроили самую мощную круглую башню XVII, называемую в публикациях башней Зинова, куртину 20 и примыкающие к ней с востока башни XVIII/1 и XVIII [Стржелецкий 1969, 7–29].

Наличие в городе таможни свидетельствует о том, что он входил в Византийскую торговую систему. Захарий Ретор рассказывал о контактах ссыльного Тимофея Элуря со сторонниками в Томи и городах Сирии и Египта [Hamilton, Brooks 1899, 81–100]. Возможно, они осуществлялись с помощью попутных торговых кораблей. Извлеченные из исследованных в Херсонесе слоев многочисленные амфоры и краснолаковые сосуды, привезенные из разных провинций Византии, говорят о ведении городом в V в. и позднее значительной торговли с портами Черноморско-Средиземноморского бассейна. При Зинове город возобновил эмиссию собственных монет [Анохин 1977, 107].

В годы правления Феодосия I империя активизировала политику христианизации в Херсонесе, которая стимулировала не только проникновение с территории империи новой духовной и материальной культуры, но и начало масштабной перепланировки города. Христианская община, видимо, образовалась в городе в последней четверти IV в. Первое достоверное упоминание херсонесской епархии имеется в документах II Вселенского собора 381 г., в котором участвовал Херсонесский епископ Еферий [King 1957, 639; Zuckerman 1991, 548]. Тогда же на городском некрополе начинают хоронить в склепах с росписями с раннехристианскими сюжетами [Ростовцев 1914, 484–507; Зубарь, Хворостяный 2000, 144–154, рис. 64–65; Завадская 2004, 285–286].

Первые городские христианские общины, видимо, перестраивали для молитв языческие храмы. В одном из синаксарей в коротком рассказе о чуде, совершенном епископом Херсонеса Капитоном, сообщается о его обращении к императору Феодосию I. Капитон нуждался в поддержке своего намерения заменить языческий

Парфенон на храм Св. Петра. Деяния Капитона соответствовали политике насильственной христианизации, проводившейся Феодосием I [Zuckerman 1991, 548, 549].

В V в. в Херсоне епископы были весьма влиятельны. По просьбе епископа Херсона Асклепиада императоры Гонорий и Феодосий II в сентябре 419 г. издали постановление об освобождении от наказания провинившихся херсонцев, передавших варварам секреты кораблестроения [Codex Theodosiani, libri XVI, IX, 40, 24; Айбабин 1999, 83].

Во второй половине V в. в городе началось строительство христианских храмов. По предположению А.Л. Якобсона, не ранее второй половины V в. в юго-восточной и северо-восточной частях города возвели базилику с триконхальной апсидой № 7. По композиции расположения апсид она близка базиликам, известным на Ближнем Востоке с V в. [Якобсон 1959, 188, 190, 194, 195, рис. 58,1; 91; 98]. На одном из христианских участков некрополя раскопана часовня [Домбровский 1993, 305–306, 316–317], сооруженная в конце столетия. Очевидно, из этого храма происходят найденные близ него фрагменты мраморной плиты с изображением благословляющего Христа и св. Фоки, а также блюда для приносимых даров, украшенного высеченными в высоком рельефе лицом юноши и головами барана и грифона [Косцюшко-Валюжинич 1904, 52, рис. 31а,б; Залеская 1976, 208, рис. 1,2].

Среди городских христиан были и монофиситы [Айбабин 1999, 84, 89]. Лев I (474–491 гг.) выслал в Херсон в начале 460-х гг. возглавившего восстание против решений Халкидонского собора в Александрии монофиситского патриарха Тимофея, прозванного Элуром (Котом) [Jones 1973, 221]. По сообщению Захария Ретора, многие горожане придерживались веры Тимофея Элуря и с восторгом приветствовали его [Hamilton, Brooks 1899, 79–80].

В процессе раскопок на северном берегу в XIX квартале базилики 1935 г. были обнаружены остатки храма с пятигранной апсидой [Жеребцов 1963, 206–210; Завадская 1996, 96–101]. Дата его постройки определяется по чеканенной в 383–392 гг. монете Феодосия I из субструкции мозаичного пола. После разрушения храма

образовался слой штукатурки с фресками мощностью до 0,7 м. Наиболее поздние монеты из слоя выпущены при Льве I (457–474 гг.). На многих фрагментах штукатурки из слоя имеются надписи-граффити на греческом и иврите, свидетельствующие о принадлежности храма городской иудейской общине-синагоге [Айбабин 1999, 84, рис. 32].

По свидетельству византийских историков и эпиграфики, в VI в. византийские императоры Юстиниан I (527–565 гг.), Юстин II (565–578 гг.) и Маврикий (582–602 гг.) предприняли энергичные действия для закрепления империи в Крыму.

В **Боспорском царстве** до вступления на престол в 518 г. в Константинополе Юстина I, скорее всего, правила династия Тибериев-Юлиев. Согласно Прокопию, боспорцы, жившие издавна независимо, отдали себя под власть василевса Юстина [Procopius, History of the wars, vol. I, book I, XII, 8]. Очевидно, боспорцы обратились к императору в связи с угрозой захвата царства кочевниками, которых византийские историки называли гуннами. В трактате «О постройках» Прокопий писал о городе Боспоре в период начала правления Юстиниана I: «...с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян» [Procopius, De Aedificiis, III, VII, 12–13]. В 522 г. Юстин послал на Боспор патриция Проба с большой суммой денег для заключения с соседними гуннами симмахии (союза) и направления их в Иберию для войны с персами [Procopius, History of the wars, vol. I, book I, XII, 6, 7]. Его миссия закончилась неудачей.

Из сочинений Иоанна Малалы, Феофана, Михаила Сирийца и других известно, что гунны не смирились с потерей города Боспора. В первый же год царствования Юстиниана I (527–565 гг.) правитель живших близ Боспора гуннов Горд крестился в Константинополе. Его приемником был император [Charles 1916, 141, 66; John Malalas, fr. 432, 250, 251; Кулаковский 1891, 26–27; Чичуров 1980, 51, 79, 80]. Юстиниан отправил Горда обратно вместе с трибуном Далмацием и арифмом стратиготов охранять границы государства и город Боспор и собирать с гуннов дань быками. Это подразделение сформировали в Юж-

ной Италии из испанцев. Вернувшись на родину, Горд переплавил гуннских идолов, сделанных из серебра и электрона, и обменял их на милиарисии в Боспоре. По наущению возмущенных жрецов гунны убили Горда. К власти пришел его брат Муагерий. Гунны захватили Боспор и уничтожили византийский гарнизон. Император послал на Боспор морем отряд готов под командой комита устьев Эвксинского Понта апоипата Иоанна и одновременно отправил в поход против гуннов по суше от Одиссополя Годилу и стратига Фракии стратилата Бадурия. Гунны, узнав о приближении византийцев, бежали из города, которым овладели войска ромеев. Феофан и Малала отнесли описанные события к 527/528 гг. [Чичуров 1980, 50, 51; John Malalas, fr. 431–433, 250, 251; Charles 1916, 141]. Вероятно, вскоре Бадурий и Годила были отозваны во Фракию [Айбабин 1999, 95].

В результате описанных событий когда-то принадлежавшая Боспорскому царству территория была присоединена к империи. Как явствует из текста строительной надписи с Таманского полуострова, отнесенной В.В. Латышевым к 533 г. [Латышев 1894, 567–569], после возвращения на Дунай комита Эвксинского Понта апоипата Иоанна император назначил византийского офицера Ангулата управлять городом Боспором. По словам Д. Фисселя, в этой надписи упомянуты трибун Ангулат и *pater civitatis* – «отец города». По мнению Д. Фисселя, трибун Ангулат был исаврийцем. В Византии *pater civitatis* с IV в. в городском самоуправлении руководил общественными работами и был ответственным за военные склады [Feissel 1987, 219–220; Feissel 2004, 105]. Видимо, городское самоуправление было образовано и в городе Боспоре. Город стал важной византийской крепостью, контролирующей Боспорский пролив и переправу на Северный Кавказ. Юстиниан повелел укрепить разрушенные стены города Боспора [Procopius, De Aedificiis, III, VII, 10, 12–13]. Материалы археологических раскопок свидетельствуют о сохранении прежних планировки и границ города Боспора. Боспориты исполняли морскую повинность, поставляя империи суда, оснастку и морское снаряжение [Corpus juris civilis, nov. CLXIII, cap. II, 751; Vasiliev 1936, 74]. В результате ар-

хеологических раскопок были раскрыты в приморской части города остатки базилики (купель и колодец), видимо построенной при Юстиниане I [Макарова 1991, 143, 144]. Строительные работы велись и в Тиритаке [Зинько В., Зинько А. 2008, 91–96], где на месте разрушенного рыбозасолочного комплекса построили базилику с колоннами из проконесского мрамора с импостной ионической и коринфской капителями [Гайдукевич 1952, 67–72, рис. 79–81].

Тогда же на азиатском берегу Боспорского (Керченского) пролива византийцы возвели новую крепость. В 1960–1980-е гг. ее раскопали близ поселка Ильич у основания косы Чушка. Э.Я. Николаева отождествила крепость с Трапезусом Иордана [Николаева 1981, 88–92; Николаева 1991, 50]. Из многих центров Причерноморья и Средиземноморья на Боспор ввозились разнотипные амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды [Айбабин 1999, 105; Зинько В., Зинько А. 2008, рис. 8; 103–123; Смокотина 2008, 103–123; Смокотина 2009, 132–156]. Наряду с торговлей, металлообработкой и судостроением в Боспоре сохранилась традиционная отрасль экономики – промышленная переработка рыбы [Макарова 1991, 140].

В 571 г. граничившие с азиатским Боспором степи между Меотидой и Кавказскими горами захватили тюрки, подчинив утигуров и алан [Гадло 1979, 96]. Каган тюрков Сильзибул (Истеми в китайских источниках) [Moravcsik 1958, 275, 276] назначил наместником новых земель своего сына Турксанфа (Тянь-хань-хана в китайских источниках) [Blockley 1985, fr. 19, 1, 171–177; Гумилев 1967, 106].

В 576 г. император Тиберий, стремясь получить помощь тюрков в возобновившейся с 573 г. войне с Персией, направил к ним посольство во главе с Валентином. По словам Менандра, на корабли с посольством направились через Синопу в Херсон, далее морем подплыли к Апатуре (район Фанагории). Однако корабли посольства вернулись к восточному побережью Таврики, где византийцы высадились и отправились в регион, принадлежавший кагану утигуров Анагею [Blockley 1985, fr. 19, 1, 170–172]. Пройдя трудными дорогами, Валентин достиг ставки Турксанфа и после переговоров был отправлен к бра-

ту последнего Тарду. В то же самое время Турксанф приказал Анагею начать военные действия против византийских владений в Таврике и осадить город Боспор. Вскоре после прибытия на помощь утигурам тюркских войск Бохана город Боспор был ими взят [Blockley 1985, fr. 19, 1, 2, 178, 179]. Тюрки сожгли и разрушили городские кварталы на холме Митридат и в приморской части. Образовавшийся после пожаров слой выявлен на участках, раскопанных Т.И. Макаровой у церкви Иоанна Предтечи [Макарова 1991, 133]. В центре города на всех трех раскопанных в 1990–1992 гг. усадьбах зафиксированы два слоя пожара. По сочетанию циклов бытования найденной керамики слой пожара А связан с нападением тюрков в 576 г., а слой, перекрывший пожар, отнесен к последней четверти VI – третьей четверти VII в. [Айбабин 1999, 134–137; Aibabin 2006, 33, 35].

Слои пожаров, связанных с тем же набегом тюрков, обнаружены и на малых городах и поселениях Европейского Боспора [Гайдукевич 1952, 119–125, рис. 149:1; 150; 151; 157]. В результате вторжения тюрков их население значительно уменьшилось. Часть жителей малых городов, наверное, погибла или была уведена тюрками. На Тиритаке, Илурате, в Зеноновом Херсонесе многие усадьбы остались в руинах [Айбабин 1999, 141].

В 581 г., после смерти кагана тюрков Арсилы [Blockley 1985, fr. 19, 1, 172, 173; Moravcsik 1958, 72], началась борьба за власть между членами правившего в каганате рода [Артамонов 1962, 138]. Очевидно, тогда же тюрки ушли из Крыма. Победивший в междоусобице каган тюрков являлся союзником империи и направил в 598 г. посольство в Константинополь с письмом императору Маврикию (582–602 гг.) [Кулаковский 1996, т. II, 373]. Византийцы воспользовались благоприятной для них ситуацией и вновь установили свой контроль на обеих сторонах Боспорского пролива. В опубликованной В.В. Латышевым надписи из Тамани сообщается о восстановлении «...στρατηλάτου καὶ δοῦκός Χερσῶνος...» Евпатерием в 590 г. «кесарского здания» на Боспоре [Латышев 1894, 671, 672]. Как явствует из этой надписи, Боспор подчинялся дуге Херсона [Айбабин 2007, 137]. На Боспоре с конца

VI в. чеканились монеты заимствованных из Херсона типов [Сидоренко, 2003, 376]. В припортовом районе боспорцы реконструировали базиликальный комплекс с мраморными полами [Макарова 1991, 132]. Однако на протяжении VII в. в городе Боспоре так и не восстановили все кварталы. На участках, раскопанных в центре города, из трех сгоревших усадеб заново отстроили одну. На вершине и на склонах холма Митридат поверх сnivelированных руин устроили христианский плитовый некрополь. На новом кладбище хоронили все городские этнические группы. Боспорцы продолжали погребать и в семейных склепах на старом могильнике на склоне холма Митридат [Айбабин 1999, 141–142]. В захоронениях местной знати и офицеров византийской армии лежали привезенные во второй половине VII в. из Византии золотые детали поясных наборов, штампованные или вырезанные из пластин и украшенные зернью, и два железных шлема [Амброз 1992, 82, 83, рис. 11:17, 18]. Такие шлемы использовали в византийской армии уже в VI в. [Sodini 1993, 168–169, fig. 25]. Византийским офицерам, видимо, принадлежали и будто бы найденные на некрополе в Керчи золотые фрагменты ножен палашей с Р-образными выступами для закрепления на ремне [Амброз 1994/1995, 55, 56, рис. 11:20, 21].

В первой половине VII в. некоторые постройки заново отстроили и на территории малых городов [Гайдукевич 1952, 126–131, рис. 160–164; Гайдукевич 1958, 110].

Херсон при Юстиниане I являлся и отдаленным византийским провинциальным городом, и крупнейшим форпостом империи в Юго-Западном Крыму. В VI в. в Херсоне, так же как и в других городах империи, полисная администрация подчинялась викарию – начальнику византийского гарнизона, которого назначали из Константинополя. В 549–565 гг. херсонские монеты выпускались с монограммами, читаемыми как «*πόλις Χερσῶνος*» [Соколова 1983, 112, 113; Сидоренко 2003, 363]. Горожане выполняли морскую повинность [Corpus juris civilis, vol. III, nov. CLXIII, cap. II, 751]. Как явствует из текста фрагмента надписи, найденной у южной оборонительной стены, в период правления Юстина II (565–578) Херсон стал резиденцией *dux* [Цу-

керман 1994/1995, 560] – командира всех византийских войск в Крыму. Еще Юстиниан I предоставил дукам в приграничных регионах новые полномочия. Например, в Египте *dux* командовал местными войсками и возглавлял гражданскую администрацию [Jones 1992, 281, 282]. В Херсоне же такое совмещение полномочий практиковалось уже со времени Зинона. *Dux* Феаген, как и его предшественник комес Диоген, руководил строительством новой куртины или башни. Вполне вероятно, что во второй половине VI в. *dux* Херсона возглавлял администрацию всех владений Византии на полуострове [Айбабин 1999, 132].

Весьма сложно реконструировать топографию города VI в. Многие раннесредневековые дома уничтожили строители IX–XIV вв. Судя по выявленным во всех его районах остаткам жилых и хозяйственных помещений, производственных объектов VI в., Херсон унаследовал от античности планировку прямоугольными кварталами с прямыми улицами с канализацией и водопроводом из глиняных труб. Его главная улица длиной около 1 км и шириной 6–7 м пересекала город с юго-запада на северо-восток. По мнению А.Л. Якобсона, юстиниановский город отличался от позднеантичного, во-первых, более плотной застройкой, а во-вторых, доминированием возведенных в тот период базилик [Якобсон 1959, 131, 285; Якобсон 1964, 19]. С 1950-х гг. ведется реставрация городских базилик и храмов. В процессе новых раскопок и предреставрационного изучения их фундаментов, стен и полов установлено, что большинство базилик и два крестообразных храма построили не в VI в., а позднее. Лишь несколько крупных базилик возвели в интересующий нас период. Археологические раскопки зафиксировали крупные строительные работы, производившиеся в годы правления Юстиниана I и в других районах города [Айбабин 2010, 395–423].

По словам Прокопия, Юстиниан I восстановил разрушенные стены Херсона [Procopius, De Aedificiis, III, VII, 10]. Достоверность его сообщения подтвердили археологические раскопки. Были реконструированы ключевые узлы городской оборонительной системы. В портовом вновь построили куртины 25 и 26 и башню XXII на их стыке [Антонова 1971,

103–105]. Во второй четверти VI в. осуществили четвертую перестройку главной городской башни XVII [Стржелецкий 1969, 21, 23, рис. 2]. Одновременно отремонтировали куртину 20, примыкающие к ней башни XVII/1 и XVIII. Новые фортификационные сооружения были созданы в западном районе города для защиты присоединенного участка некрополя площадью около 0,5 га. Первоначально его оградил стеной [Антонова 1963, 61–67]. С внутренней стороны ограды создали комплекс по переработке рыбы, состоявший из двух помещений площадью более 80 кв. м, двора с гидротехническими сооружениями и большой рыбозасолочной цистерны 33 [Голофаст 2007, 73–84]. Через некоторое время возвели прямоугольную башню Ia и удвоили толщину куртин 1 и 2, а напротив них в материковой скале начали вырубать широкий и глубокий ров (рис. 7, B, f). В южной части рва сохранилась разметка камня на блоки, которые одновременно добывали камень для строительства оборонительных стен [Айбабин 1999, 127, рис. 50].

В результате строительства куртин 1 и 2 была создана ломаная линия обороны и улучшена возможность продольного обстрела. Вероятно, тогда же разобрали западную античную оборонительную стену. На огражденном участке некрополя в 5 м от древней оборонительной стены находится склеп, вырубленный в материковой скале. Над склепом из больших тесаных блоков построена небольшая, квадратная в плане часовня, с полукруглой апсидой и, видимо, выложенным из кирпича куполом. Часовня возведена с учетом ориентации склепа, вход в который располагался как раз под ее северной стеной. По архитектурному облику часовня близка ранним греко-восточным гробничным храмам. Полагают, что в этом склепе был погребен один из почитаемых христианских мучеников [Айналов 1905, 42, 43; Косцюшко-Валюжинич 1902, 66–67; Якобсон 1959, 164–165].

По крайней мере, в четырех кварталах была произведена полная перепланировка. На освобожденных от позднеантичных построек участках возвели большие базилики: на северном берегу (Северная базилика № 22), в центре города (базилика № 28), в юго-западной части (нижняя базилика № 15) [Якобсон 1959, 165–175] и

так называемая базилика на холме (№ 14) [Айбабин 1999, 127–128]. Их композиция и декоративное оформление указывают на влияние Константинополя и Малой Азии на формирование раннехристианской архитектуры Херсона [Якобсон 1959, 183, 188; Завадская 2001, 274–275]. Судя по технике кладки зданий, они возводились местными артелями каменщиков.

Кроме базилик, в северном районе в кварталах XV–XVIII и XXV и близ порта возводились жилые дома. Сам факт осуществления в городе столь значительных строительных работ свидетельствует о процветании городской экономики. Хотя строители VI в. обычно использовали камень из разобранных ранних домов, новостройки, конечно, нуждались и в дополнительном количестве камня, в кровельной черепице, кирпичах, оконном стекле. Очевидно, все эти материалы производились в городе и его окрестностях. Рядом с крупными объектами (башнями, куртинами, базиликами) сооружались известеобжигательные печи и устраивались ямы для гашения извести.

В VI в. в городе продолжали засолку рыбы не только в цистернах, созданных в более раннее время, но и строили новые (например, в районе античного театра). Одновременно функционировали 10–11 цистерн, вмещавших приблизительно 9900 ц рыбы. Скорее всего, такое количество рыбы производили не только для собственного потребления, но и на вывоз [Романчук 1976, 16–18]. При обработке рыбы потреблялось большое количество соли, которую, наверное, добывали в окрестных соляных озерах, существовавших до XIX в. Важной отраслью городской экономики являлось судостроение. Во исполнение морской повинности Херсон поставлял в империю суда и корабельную оснастку. Эту повинность отменил в 575 г. Тиберий [Corpus juris civilis 751. Nov. CLXIII. Cap. II].

В первой половине VI в. в городских мастерских ремесленники копировали привезенные из Средиземноморья трехчастные литые бронзовые поясные пряжки. С середины VI в. в городе распространились большие женские поясные пряжки с прямоугольным щитком с выгисненным в его центре крестом (рис. 8, 3, 5). Подобные пряжки встречены только в Херсоне и

Горном Крыму. Скорее всего, они сделаны в херсонских мастерских [Айбабин 1999, 130, рис. 53, 1; Хайрединова 1999, 334–346, рис. 1–2]. На Северном берегу, в районе XXV и XXVIII кварталов, функционировала стеклоделательная мастерская, в которой в конце V – VI в. производили рюмкообразные сосуды, бальзамарии, кувшины, оконное стекло [Голофаст 1998, 324].

В городских кварталах раскопаны крупные хранилища сельскохозяйственной продукции. На территории городской хоры на Гераклеяском полуострове раскопаны усадьбы индивидуальных землевладельцев. Они выращивали зерно, виноград, овощи.

Херсон являлся крупным транзитным портом на самом коротком морском пути из Византии, начинавшемся в порту Синопа. О плавании в 576 г. византийского посольства по этому пути писал Менандр [Айбабин 1999, 134].

В экономике Херсона VI в. большую роль играла торговля с другими регионами империи, с соседями и кочевниками. Для украшения новых базилик в город привозили цветную смальту для мозаик, изготовленные в императорских мастерских Проконнеса мраморные капители, колонны, плиты, алтарные преграды и другие детали [Якобсон 1959, 132, 152]. Из других городов Византии импортировались краснолаковые сосуды, амфоры (рис. 9, 1–6), стеклянные изделия, пряжки, а из Подунавья, Остроготского королевства в Италии и Боспора – фибулы, пряжки и украшения [Айбабин 1999, 130, 132]. По сообщению Иордана, в Херсон доставляли свои товары и купцы из Азии [Iordanis. Romana et Getica. V. 37]. Херсон был главным экономическим партнером для населявших Юго-Западный Крым готов и алан. Через Херсон же на территорию региона поступали необходимые товары (в том числе керамика, стеклянные сосуды, пряжки, раковины каури и другие украшения, декоративные мраморы) из Византии, Северной Италии, Подунавья и других мест. В торговых сделках с жителями Юго-Западного Крыма наряду с византийскими монетами использовали и выпущенные в городе. На могильниках и в крепостях алан и готов найдены херсоновизантийские монеты VI в. [Соколова 1968, 262; Сидоренко 2003, 367, 368].

Согласно скудным сведениям письменных источников, в VII в. Херсонес оставался главным византийским городом в Юго-Западном Крыму. В соседние с городом крепости сослали Евпрепия и Феодора [Vasiliev 1936, 78]. В Херсоне найдена печать 550–650 гг. городского аркария (ἀρχαρίω) – чиновника, собиравшего налоги в кассы византийских ведомств *comitis sacrarum largitionum* и префекта претория [Соколова 1991, 203, 206, № 13]. Из Херсона происходят печати других чиновников местной византийской администрации: ипата, переводчика и нотариуса (VII в.), а также епископов VII в. [Соколова 1991, 202, 206–209, 213]. Судя по подписи участвовавшего в Трулльском Вселенском соборе епископа Херсона Георгия (Γεώργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος...) [Ohme 1990, 151], до конца VII в. приходы заселенной аланами и готами соседней области Дори принадлежали Херсонской епархии.

На протяжении всего VII в. в Херсоне поддерживалось стабильное денежное обращение, имевшее общеимперские черты. В обращении преобладали медные монеты. При Ираклии (610–641 гг.) городской монетный двор возобновил чеканку фоллисов. Связь Херсона с Византией подтверждает и прекращение чеканки монет после Ираклия. В это время почти все муниципалитеты империи, кроме итальянских, лишились права чеканить монеты [Grierson 1968, 38, 381; Соколова 1983, 26–28, 110, 111]. В VII в. монетами, выпущенными в предшествующий период, херсонцы оплачивали товары из Юго-Западного Крыма, где они обнаружены в основном в захоронениях второй половины этого столетия [Айбабин 1999, 164].

В конце VI – начале VII в. в Херсоне продолжались значительные строительные работы. На западном участке обороны перестроили башню I. На присоединенном к городу участке соорудили новую Западную базилику (№ 13) [Голофаст 207, 90–92] – трехнефную, с большим залом с двумя колоннадами из девяти колонн, полукруглой внутри и пятигранной снаружи апсидой, нартексом и, видимо, открытым нартексом. К ее южной стороне примыкает галерея с апсидой. Пол среднего нефа вымощен мраморными плитами, а полы

боковых нефов покрыты мозаикой. Вероятно, у базилики было стропильное перекрытие с черепичной кровлей. Вперевяз с восточной частью северной стены здания возведена прямоугольная крещальня с широкой апсидой, к которой пристроен крестообразный мавзолей с усыпальницей [Якобсон 1959, 160–165]. Не исключено, что с культовым комплексом как-то связан склеп, высеченный в скальном борту рва у первой куртины. Его закрывала закладная плита с крестом с раздвоенными концами и надписью VI–VII вв. «Да упокоишь здесь, Господи, раба Божьего Гота» [Яйленко 1987, 168]. Одновременно в начале главной улицы в западном районе близ городских ворот соорудили четырехапсидный храм [Кутайсов 1982, 155–166, рис. 8, 5, 6; Ajbabin 2010, 395–423].

Тогда же на северном берегу города в связи с сооружением двух новых больших трехнефных базилик были перепланированы кварталы XV–XVIII, XIX и XXV [Белов 1953, 26; Якобсон 1959, 176]. Одна из них в 1932 г. раскопана в квартале XXV. В ней сохранились мраморные базы колонн, а в боковых нефах и около солей – мозаичные полы. Вторую одноапсидную базилику с нартексом и экзонартексом раскрыли в 1935 г. в квартале XIX и доисследовали в 1950, 1956, 1957 гг. Она возведена на руинах упоминавшейся выше синагоги. Полы боковых нефов базилики вымощены мозаикой, среднего нефа — мраморными плитами, сделанными из стенок античных саркофагов. Ее украшали мраморные феодосианские и коринфские капители, скульптура «Добрый пастырь». В слое 3, в котором соорудили фундамент базилики, найдены фрагменты амфор и херсонесские монеты Маврикия Тиберия (582–602 гг.). При строительстве базилики в соседних кварталах XV–XVIII возвели новые дома и засыпали цистерны. Дата строительства базилики определяется по монете Константа II из засыпи цистерны 74 (641–668 гг.).

В северо-восточном районе в начале VII в. целый квартал застроили комплексом Уваровской базилики. Одновременно на площади, замыкающей главную улицу, построили трехнефную Восточную базилику [Якобсон 1959, 165–168; Айбабин 1999, 165].

Во второй половине VI – VII в. городские христианские некрополи располага-

лись на западном берегу Карантинной бухты и за западной оборонительной стеной. Довольно часто хоронили в семейных склепах, сооруженных в позднеимперское время. На некрополях раскопано более тридцати склепов и несколько могил, вырубленных в материковой скале в данный период. В склепах лежанки отделялись от остальной части камеры низкими перегородками. Иногда в центре камеры делали подпорный столб. Покойников погребали в одежде с украшениями в деревянных гробах. На гробы ставили керамические и стеклянные сосуды. В дромосе устанавливали надгробные кресты с христианскими, в основном греческими, именами (Георгий, Стефан, Христофор, Федор, Дамиан, Маргарита, Лазарь) [Якобсон 1959, 249–260; Айбабин 1999, 168]. На городских некрополях выявлены захоронения выходцев из области Дори. В нескольких склепах найдены скелеты с деформированными черепами и с южнокрымской орлиноголовой пряжкой. Сосланный в Херсон в 655 г. Римский Папа Мартин I отличал ромеизированных горожан («живущие здесь») от «варваров» соседнего региона («те, кто обитает в этой области») [Бородин 1991, 179, 186].

На протяжении всего VII в. в городе функционировали металлообрабатывающие мастерские. Одна из них выявлена в северо-восточном районе, в III квартале. В 1910–1912 гг. там в помещениях XI и 26 нашли тигли, шлаки и форму для отливки металлических вещей. В мастерских отливали популярные среди горожан в VII–VIII вв. поясные пряжки. С помощью матриц, привезенных из Константинополя и Подунавья, в VII в. делали детали поясных наборов. Продукция мастерских продавалась в Херсоне и в области Дори [Ajbabin 1993, 196].

Городские гончары изготавливали пифосы, кухонную посуду и строительную керамику (кирпичи с клеймами конца VI – начала VII в., черепицу, трубы). В городе сохранилось товарное производство соленой рыбы. В одном из писем Римского Папы Мартина I сообщается о вывозе из города в империю соли [Бородин 1991, 179, 187]. В VII в. произошли изменения на сельских усадьбах городской хоры на Гераклеюском полуострове. Некоторые из них были заброшены. Видимо, поэтому уменьшилось

производство зерна и горожане весной испытывали недостаток хлеба. Информация о положении в Херсоне в 655 г. содержится в письмах папы Мартина. В первом письме, написанном в июне, он писал: «...голод и нужда в этой земле таковы, что хлеб в ней только упоминается по названию, однако его совсем не видят. ...Ведь в этой стране нельзя ни за какую цену найти в обеспечение себе хотя бы умеренное пропитание». Во втором письме, отправленном в сентябре, сказано: «Но до сих пор я не мог купить зерна из нового урожая иначе чем за номисму четыре модия». В сердцах он и херсонцев, и соседних варваров называл язычниками: «Ведь те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь...» [Бородин 1991, 179]. Конечно же, в словах старого, больного, не по своей воле оказавшегося в Херсоне папы содержатся риторические преувеличения. Все-таки следует полагать, что он описал реальные сезонные затруднения с продовольствием и его дороговизну.

Рассмотренные выше факты характеризуют Херсон VII в. как византийский город с развитым товарным производством и с широкими торговыми связями. Последние документируются и происходящими из Херсона печатями VII в. византийских коммерциариев, в том числе главного коммерциария аптеки Константинополя 688/689 гг. [Соколова 1991, 205, 206, 208, №№ 10, 26].

Как следует из вышесказанного, в VII в. завершился начавшийся в годы правления Юстиниана I и растянувшийся более чем на столетие процесс создания нового раннесредневекового облика города. В третьей четверти VII в. Херсон приобрел раннесредневековый архитектурный облик. Возведенные в тот период базилики занимали видные места в городе – в центре, на его большой и малой агорах у входа в город и у моря на северном берегу.

Политика Юстиниана I в **Юго-Западном Крыму** описана историком VI в. Прокопием. По его словам, император повелел восстановить укрепления Херсона и Боспора и соорудить крепости на Южном берегу, в Алустоне и Горзубитах [Procopius, De Aedificiis, III, VII, 11]. Возможно, они предназначались для защиты судоходства.

По Прокопию, на том же берегу Понта, что Херсон и Боспор, находилась страна Дори, в которой жили готы [Procopius, De Aedificiis, III, VII, 13]. Страну Дори, скорее всего, следует локализовать на Южном берегу и в Горном Крыму – от окрестностей Алустона до устья Чёрной речки и Балаклавы. На этой территории выявлена единая алано-готская археологическая культура, представленная как однотипными могильниками, так и поселениями и крепостями, построенными византийцами для местного населения [Айбабин 1999, 105, 107, 111; Aibabin 2005, 415]. По Прокопию, в стране Дори жили готы. В трактате «О постройках» Прокопий описывает Готов как ἔθνοσπονδοί, союзников ромеев, которые, по желанию императора, участвовали во всех военных кампаниях [Procopius, De Aedificiis, III, VII, 13]. Отношения империи с крымскими готами-эмпондами не ограничивались только военной сферой и имели длительный постоянный характер. В другом сочинении – «История войн» – Прокопий именовал обитателей региона между Херсоном и Боспором *катекоос* – подвластными, то есть жителями присоединенного к империи региона [Procopius, De Bello Gotico VIII, V, 26, 27, 28; Obolensky 1964, 57].

Благосостояние жителей Дори основывалось на военной службе империи и земледелии. Прокопий писал о них: «Прибывая до 3000, и в военном деле они превосходны, и в земледелии, где сами трудятся, искусны, и наиболее гостеприимны из встречающихся людей» [Procopius, De Aedificiis, III, VII, 14; Сидоренко 1991, 111]. В данном параграфе шла речь лишь о численности военного отряда, который жители Дори должны были сформировать для участия в любой из войн империи.

В рассматриваемый период на территории области Дори известно только одно укрепление. В Латинской грамматике Прициана, написанной при императоре Анастасии в 491–518 гг., в двух упражнениях упомянута крепость у Понта Дори. В обоих грамматических примерах автор учебника не конкретизирует местонахождение крепости и по-разному его характеризует. В одном случае он назван «*Dory... nomen oppidi Pontici*», в другом – «*hoc Dory... nomina civitatum*» [Prisciani Grammatici,

Libri XVIII, VI, 1, 195; VII, 1, 283]. Эти примеры Присциан взял из какого-то исторического или географического трактата, в котором шла речь об *orpidum* или *civitas* Дори, находившемся в понтийском регионе. Соизвучность имен *оппидума* и области служит достаточным основанием для локализации данного городка в пределах последней. В более поздних источниках в повествованиях о событиях начала и второй половины VIII в. сообщается о крепости Дори-Дорас, лежащей в готской земле [Vasiliev 1936, 91–92; Чичуров 1980, 31, 32, 124, 155, 163]. Суммируя информацию письменных источников, можно предположить, что *оппидум* Дори возник в готской области до конца V в., а в постюстиниановское время, но до начала VII в., в нем построили крепость. В процессе многолетних археологических раскопок на плато Мангуп получены веские свидетельства в пользу локализации там раннего Дороса [Герцен 1990, 135–137; Айбабин 1999, 111, 114, 117, 119].

По словам Прокопия, в области Дори византийцы строили оборонительные стены для предотвращения проникновения врагов через нее. Ими закрывали проходы через балки и ущелья [Procopius, De Aedificiis, III, VII, 17]. Одну из таких стен, перегораживающую 150-метровую балку Каралез (Сторожевая), раскопал В.А. Сидоренко в 1984 г. у подножия плато Мангуп. Длина стены – 150 м, толщина – 2,3–2,4 м. Она сохранилась на высоту 2,5 м. Ее венчали зубцы. Стену вплотную пристроили к вертикальным известняковым обрывам, возвышающимся над долиной плато. В местах примыкания стены в скале вырублены смотровые площадки с комплексом небольших пещерных помещений. Стена сложена из двух рядов подогнанных друг к другу известняковых блоков. В центральной части имелись ворота. Пространство между внешним и внутренним рядами блоков заполнено залитым раствором из известняковыми камнями [Сидоренко 1991, 114–115].

При содействии администрации Юстиниана в Горном Крыму начали возведение базилик. Полагают, что в VI в. соорудили базилику в Дорасе на плато Мангуп [Тиханова 1953, 320–324; Якобсон 1959, 196–197]. Очевидно, в позднеюстиниановский период была возведена и большая трех-

нефная базилика, раскрытая у подножия того же плато в верховье балки Каралез [Сидоренко 1991, 114–115].

Область Дори не пострадала от набега тюрков в 580 г. В регионе не обнаружены какие-либо разрушения, произведенные тюрками. Возможно, они, пройдя через степи Северо-Западного Крыма, остановились на берегу Севастопольской Северной бухты, с которого хорошо виден Херсон. Однако захват Боспора и демонстрация военной силы близ Херсона побудили Византию в конце VI в. к укреплению оборонительной системы находившегося на плато Мангуп Дораса и созданию новых крепостей в Горном Крыму, на плато Эски-Кермен, Бакла и Чуфут-Кале, для своих союзников – жителей области Дори. Очевидно, их строительством руководил дука Херсона [Айбабин 1999, 111, 114, 117, 119; Айбабин 2007, 137–138].

Мангупское плато возвышается на 250–300 м над уровнем подступающих долин. С севера и северо-востока оно прорезано тремя ущельями, ограниченными обрывами четырех мысов. Между ними лежат балки и расселины, по которым можно подняться на плато. По данным А.Г. Герцена, ранние укрепления образуют три крупных участка. На каждом из них куртины, пересекавшие балки, дополнялись выложенными из больших блоков боевыми площадками с брустверами и стенами на склонах, доступных для подъема. Стены предназначались для ведения флангового и фронтального обстрела наступавших. О куртинах можно судить по раскопанным А.Г. Герценом в балке, разделяющей два мыса, плато. Куртина Б двухпанцирная с забутовкой из рваного камня, залитого известковым раствором с песком и небольшой добавкой цемянки. Она построена на специально подтесанной материковой скале. Лицевой панцирь сложен из хорошо подогнанных друг к другу прямоугольных блоков размером от 0,92 x 0,65 до 0,29 x 0,45 м. На всем протяжении куртины выдерживалась рядность кладки. Тыльный панцирь выложен бутовыми камнями с подтесанной наружной стороной. Толщина куртины – 1,8 м [Герцен 1990, 103–111]. Куртина по конструкции и технике кладки лицевого панциря аналогична стенам Эски-Кермена, Херсона и других византийских крепостей. В 1913 г. в центральном неф-

базилики в перекрытии поздней могилы обнаружен обломок плиты из известняка с уцелевшими двумя с половиной строками греческой надписи: «Юстиниана... императора... Августа» [Латышев 1918, 18–19]. Скорее всего, плиту привезли на плато вместе со строительными материалами. А.Г. Герцен исследовал на плато усадьбы, в засыпи которых находились фрагменты амфор, краснолаковых и стеклянных сосудов V–VII вв., и крепостные стены. По его утверждению, византийцы начали строительство укреплений на плато только во второй половине VI в. [Герцен 1990, 133].

Крепость **Эски-Кермен** была сооружена на плоской вершине известнякового плато. Склоны плато представляют собой почти вертикальные обрывы высотой до 30 м. На восточном и западном фасадах горы многочисленны выступающие мысы. Южный склон более пологий. Довольно сложно судить о застройке городища в конце VI – VII в. Вполне очевидно, что с начала на плато соорудили крепость [Айбабин 1999, 143–146; 2007, 132–138]. При создании обороны умело использовалась топография местности. На склоне южного края плато зачищена вырубленная в скале дорога, ведущая к главным воротам. Целиком раскопан южный узел обороны, состоящий из протейхизмы с двумя воротами и двумя калитками, главных ворот с остатками предвратных боевых площадок и предвратной башней, оборонительной стены и пещерных каземата и караульного помещения [Репников 1932а, 123–125; 1932б, 186–193; 1935, 18–40]. Важную роль в оборонительной системе играли пещерные башни и казематы, вырубленные в скальном массиве мысов, выступающих на восточном и западном фасадах горы. Через бойницы, вырубленные в башнях, контролировалось пространство между ними и подножие плато. Между многими пещерными башнями по краю плато были возведены двухпанцирные оборонительные стены. Внешнюю облицовку стен соорудили из хорошо обтесанных больших прямоугольных известняковых блоков разных размеров, скрепленных раствором из извести и песка. Блоки плотно подогнаны один к другому. Нижние ряды панцирей лежали в вырубленных в скале «постелях». Длина крупных блоков – 2,3 м,

ширина – 0,6 м, высота – 0,8 м, длина малых блоков – 0,8 м, ширина – 0,6 м, высота – 0,8 м. Внутренняя облицовка сложена на растворе из извести и песка из хорошо обтесанных, плотно подогнанных один к другому больших прямоугольных известняковых блоков разных размеров. Блоки поставлены не в «постель», а на предварительно очищенную и подготовленную скальную поверхность крутого склона. Длина крупных блоков – 1,9 м, ширина – 0,6 м, высота – 0,6 м, длина малых блоков – 0,8 м, ширина – 0,6 м, высота – 0,7 м. Пространство между панцирями заполнено необработанными камнями и известковым раствором. Сверху стену перекрыли большими прямоугольными плитами длиной 1,6–1,8 м, шириной 1 м, толщиной 0,5 м. Высота стены и количество рядов кладки зависели от рельефа поверхности материковой скалы. На вновь зачищенных плитах перекрытия оборонительной стены не обнаружены какие-либо следы парапета. Поскольку в стене отсутствовали бойницы, то можно предположить, что гарнизон контролировал склоны плато не только из пещерных казематов, но и с перекрытия стен [Айбабин 2007, 129–35, Рис. 15, 7–8; 2009, 61–63].

Кладка облицовки и конструкция раскопанных на Эски-Кермене стен типичны для стен провинциальных византийских укреплений VI–IX вв. [Lassus 1981, 13–16, fig. 21, 26–30, 90, 92, 162; Foss, Winfield 1986, 25–27, 240, fig. 92] и аналогична кладке панцирей четвертого строительного периода на башне Зинова в Херсоне [Айбабин 2007, 132]. Другие элементы обороны Эски-Кермена, например пещерные казематы и южный оборонительный узел, также характерны для многих ранневизантийских крепостей [Бобчев 1961, 103–145; Lawrence 1983, 185–209; Lauffray 1983, 21, 142, 145, 147, 149, fig. 5; Воронов, Бгажба 1987, 117, 118, рис. 3].

От главных ворот к центральной площади вела вырубленная в скале главная улица шириной до 4,8 м. Архитектурной доминантой являлась базилика с поперечным притвором (нартексом), квадратным в плане основным залом, возведенная византийцами в центральной части плато одновременно с оборонительными сооружениями [Айбабин 1991, 45]. Внутри здание

(длина – 23,6 м, ширина – 13,4 м, толщина стен в разных ее частях составляет от 0,65 до 0,80 м²) было разделено мраморными колоннадами на три нефа (по шесть колонн в ряду). Квадратный в плане (12 x 12 м по внутренним обмерам) основной зал отгорожен стеной от поперечного притвора. Базилика имела два входа: один широкий дверной проем в нартекс, второй – в северном нефе [Шмит 1932, 216, рис. 56].

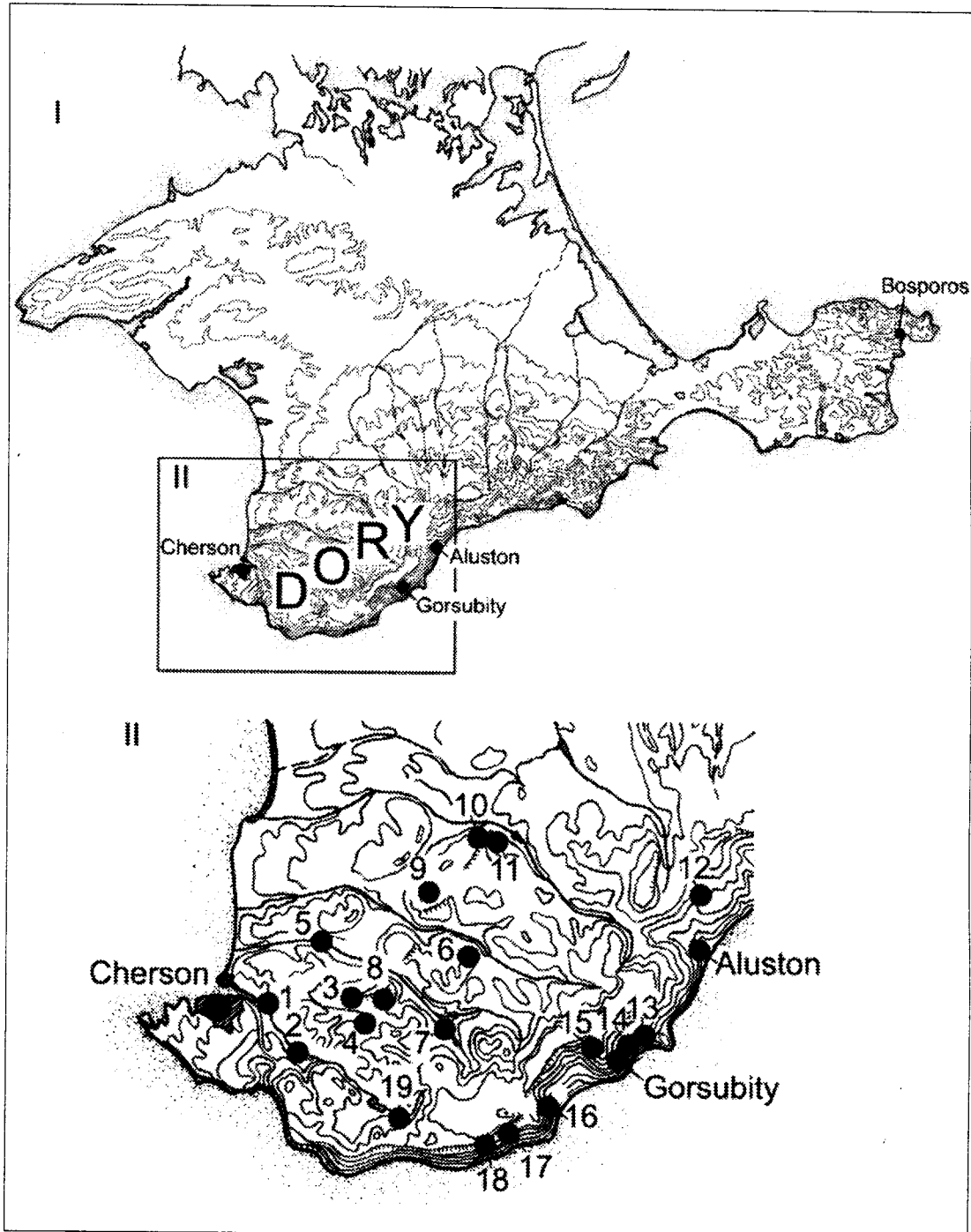
В крепости на Эски-Кермене рядом с оборонительными стенами были созданы не связанные с домами крупные зерновые склады. В многочисленных вырубленных в скале ямах, имевших форму пифосов емкостью более 500 л и закрывавшихся каменными крышками, вмещались десятки тонн зерна.

Плато **Чуфут-Кале** поднято над уровнем окрестных долин на 200 м. Три его стороны представляют собой вертикальные обрывы высотой до 50 м. Раннесредневековая система обороны городища уничтожена в процессе поздних перестроек. Возможно, в нее входили стены, перегораживавшие расселины на северо-западной и юго-западной сторонах плато и вырубленные в скале над расселинами пещерные помещения для стражи. Перед входом в некоторые из них в скале высечены площадки для наблюдателей. Для той же цели служили пещеры у сооруженных в поздний период Южных ворот. Рядом с ними выявлены постели от снесенной ранней стены. Самое узкое место на плато от обрыва до обрыва перегораживает средняя стена, большая часть которой восстановлена в XVIII в. На ее южном фланге сохранился нижний ярус характерной для византийских крепостей лицевой кладки из одного-трех рядов известняковых квадров размером 1 x 0,7 м. В раннесредневековое время, возможно, были высечены и рвы, зачищенные перед средней стеной [Якобсон 1974, 110–114, рис. 1]. На плато за западной позднесредневековой стеной в одном из раскопов зачищен угол дома и найдены мелкие фрагменты амфор VI–IX вв. На северо-западный край плато можно подняться по двум расселинам. Они перекрыты оборонительными стенами, возведенными на крутом склоне ниже кромки плато. У стен скапливается культурный слой, смываемый с плато [Веймарн 1968, рис. 21, 3, 5–7]. Ниже по склону нахо-

дится принадлежавший жителям плато могильник [Кропоткин 1958, 210]. Вероятно, поселение на плато и некрополь на склоне возникли не раньше конца VI в. Скорее всего, тогда же соорудили его первые оборонительные стены [Айбабин 1999, 145].

Городище **Бакла** находится на высоком плато, границами которого с запада и востока являются известняковые гряды высотой 15–20 м, а с юга – обрыв. С юго-запада и северо-востока между обрывом и грядой к городищу круто поднимаются две дороги. Вначале в V в. на плато возникло неукрепленное поселение. Вероятно, в конце VI в. на вытянутой вдоль обрыва террасе (ширина до 60 м, длина до 200 м) с крутыми откосами возвели цитадель. На северо-восточном участке раскрыты остатки первого строительного периода: фундаменты башни и двухпанцирной стены с забутовкой из бутового камня. Ее фундамент лежит на нивелирующей поверхности скалы глиняной прослойке. Сохранившиеся нижние ряды его панцирей сложены из камней (размером до 1 x 0,8 x 0,6 м), у которых подтесана одна нижняя сторона. Камни панцирей и забутовки после заливки известковым раствором образовали ровную горизонтальную поверхность фундамента. Неподалеку от стен выявлены вырубленные в материковой скале пифособразные ямы, предназначенные для хранения зерна [Айбабин 1999, 117–119, рис. 47; Aibabin 2005, 420; fig. 6].

Крепости соседних с Херсоном племен упомянуты в содержащейся в *Collectanea Anastasia* Библиотекаря IX в. схолии о житии Евпрепия (умер в 655 г.) и Феодора (умер в 667 г.) [Vasiliev 1936, 78; Migne 1864, CXXIX, 129, 684]. В «Бревиарии» Никифора, в повествовании о событиях начала VIII в., помимо Боспора и Херсона, говорится о «других архонтствах» и архонтах областей [Чичуров 1980, 156, 164, 165, 181]. Приведенные свидетельства письменных источников дают основание говорить о создании византийцами новой системы управления населявшими область Дори аланами и готами. Ее разделили на районы – архонтии с резиденцией архонта в крепостях на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла. Видимо, к началу VIII в. крепости превратились в административные и экономические центры округов, скорее всего

I – владения Византии в Крыму в VI–VII вв.,
II – область Дори в Юго-Западном Крыму

подчиненных Херсону. Обнаруженные в крепости на плато Эски-Кермен воинские фибулы серии 16–4/III, в том числе и с имитацией знака почетного консула, принадлежали византийским офицеру и солдатам. Очевидно, в гарнизонах крепостей, построенных византийцами в Горном Крыму, наряду с аланами и готами служили офицеры и солдаты византийской армии. Видимо, архонты крепостей отвечали и за сбор государственного налога, который крестьяне могли выплачивать зерном. Крупные явно государственные зернохранилища найдены в крепостях на плато Эски-Кермен и Бакла. Большая часть площади крепостей осталась незастроенной. Во время военных действий там могли найти убежище и жители окрестных поселений. Византия использовала крепости и для содержания ссыльных [Айбабин 2007, 138].

Сообщения Феофана и Никифора о событиях, последовавших за ссылкой в Херсон в 695 г. лишенного трона Юстиниана II, дают основание говорить о захвате хазарами почти всего Крыма. В 704 г. бежавший из Херсона Юстиниан скрылся в крепости, называемой Дорос [Чичуров 1980, 155/163; Nikephoros patriarch, 6–8, 42, 100, 101]. Там беглец оказался не только вне досягаемости византийской администрации, но и получил возможность связаться с каганом Хазарии [Vasiliev 1936, 84]. В 712 г. в результате хазаро-византийского противостояния под Херсоном хазары признали принадлежность Херсона империи, но на многие десятилетия установили свой протекторат над остальным Крымом. Подвластную хазарам «страну готов» византийцы стали называть Готией, а ее административные районы, имевшие крепость или городок с резиденцией архонта, – климатами [Айбабин 1999, 211].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айбабин А.И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // **МАИЭТ**. Вып. II. Симферополь, 1991.
- Айбабин А.И.* **Этническая история ранневизантийского Крыма**. Симферополь 1999.
- Айбабин А.И.* Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // **МАИЭТ**. Симферополь, 2007. Вып. XIII.
- Айбабин А.И.* Ранневизантийские воинские фибулы с подвязной ножкой из Юго-Западного Крыма // **АДСВ**. Вып. 39. Свердловск, 2009.
- Айналов Д.В.* **Развалины храмов. Памятники христианского Херсонеса I**. Москва, 1905.
- Амброз А.К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // **Боспорский сборник**. Москва, 1992. Вып. 1.
- Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // **МАИЭТ**. Вып. IV. Симферополь, 1994/1995.
- Ammianus Marcellinus.* **Римская история (Res`Gestae)** / Перевод и комментарии Ю.А. Кулаковского, А.И. Сони. Санкт-Петербург, 1996.
- Анохин В.А.* **Монетное дело Херсонеса**. Киев, 1977.
- Антонова И.А.* **Западный фланг обороны Херсонеса**. Сообщения Херсонесского музея 3. Симферополь, 1963.
- Антонова И.А.* Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // **Античная древность и средние века**. Вып. 7. Свердловск, 1971.
- Артамонов М.И.* **История хазар**. Ленинград, 1962.
- Белов Г.Д.* Северный прибрежный район Херсонеса // **МИА**. № 34. Москва, 1953.
- Бобчев С.Н.* Крепостные кули с изданием острь рьб и значението им за укрепяването на античне градове // **ИАИ XXIV**. София, 1961.
- Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // **Причерноморье в средние века**. Москва, 1991.
- Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // **ВДИ**, № 1. 1998.
- Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х.* Крепость Цибилиум – один из узлов кавказского лимеса юстиниановской эпохи // **Византийский Временник**. Т. 48. Москва, 1987.
- Гадло А.В.* **Этническая история Северного Кавказа IV–X вв.** Ленинград, 1979.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // **МИА**. № 25. Москва, 1952.

- Гайдукевич В.Ф. Илурат // **МИА**, № 85. 1958.
- Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // **МАИЭТ**. Вып. I. Симферополь, 1990.
- Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // **МАИЭТ**. № VI. Симферополь, 1998.
- Голофаст Л.А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // **МАИЭТ**. № XIII. Симферополь, 2007.
- Гумилев Л.Н. **Древние тюрки**. Москва, 1967.
- Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма // **МАИЭТ**. № III. Симферополь, 1993.
- Жеребцов Е.Н. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // **Византийский Временник**. № XXIII, 1963.
- Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 г.» в Херсонесе // **МАИЭТ**. Вып. V. Симферополь, 1996.
- Завадская И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // **МАИЭТ**. Вып. VIII. Симферополь, 2001.
- Завадская И.А. Декоративно-символическая система росписи Херсонесских христианских склепов: проблемы хронологии и генезиса // **МАИЭТ**. Вып. XI. Симферополь, 2004.
- Залеская В.Н. Ранневизантийские мраморные блюда в собрании Эрмитаже // **Византийский Временник**. 37. 1976.
- Засецкая И.П. Материалы Боспорского Некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // **МАИЭТ**. Вып. III. Симферополь, 1993.
- Зинько Е.А. Христианские склепы некрополей Боспора IV–VI вв. н.э. // **МАИЭТ**. Вып. XIII. Симферополь, 2007.
- Зинько В.Н., Зинько А.В. Тиритака в IV–VI вв. н.э. // **МАИЭТ**. Вып. XIV. Симферополь, 2008.
- Зубарь В.М., Хворостяный А.И. **От язычества к христианству**. Киев, 2000.
- Йордан. **Гетика** / Перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. Санкт-Петербург, 1997.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // **ИАК**. 4. 1902.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе в 1902 г. // **ИАК**. 9. 1904.
- Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма // **СА**. Т. XXVIII. Москва, 1958.
- Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 г. // **МАР**. 6. Санкт-Петербург, 1891.
- Кулаковский Ю.А. **История Византии**. Том I–III. Санкт-Петербург, 1996.
- Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // **СА**, № 1, 1982.
- Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике // **ВВ**. Т. I. Санкт-Петербург, 1894.
- Латышев В.В. **Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России**. Санкт-Петербург, 1896.
- Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг. // **МАР**. 23. 1899.
- Латышев В.В. Надпись о постройке Херсонесской стены // **ИАК**. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1901.
- Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // **ИАК**. Вып. 65. Петроград, 1918.
- Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // **Византийская Таврика**. Киев, 1991.
- Мацулевич Л.А. **Серебряная чаша из Керчи**. Ленинград, 1926.
- Николаева Э.Я. Поселение у д. Ильич // **КСИА**. Вып. 168. Москва, 1981.
- Николаева Э.Я. Стеклоделие на Боспоре // **КСИА**. Вып. 204. Москва, 1991.
- Репников Н.И. Подъемная дорога Эски-Кермена // **ИГАИМК**. Вып. 117. Ленинград, 1935.
- Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // **ИГАИМК**. Том XII. Ленинград, 1932а.
- Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // **ИГАИМК**. Вып. XII. Ленинград, 1932б.

- Романчук А.И. Херсонес VI – первой половины IX в. Свердловск, 1976.
- Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса // **ИАК**. Вып. 23. Санкт-Петербург, 1907.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. Санкт-Петербург, 1914.
- Сидоренко В.А. “Тоты” области Дори Прокопия Кесарийского и “длинные стены” в Крыму // **МАИЭТ**. Вып. II. Симферополь, 1991.
- Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // **МАИЭТ**. Вып. X. 2003.
- Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // **МАИЭТ**. XIV. Симферополь, 2008.
- Смокотина А.В. Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из г. Боспора // **МАИЭТ**. XV. Симферополь, 2009.
- Соколова И.В. Находки византийских монет VI–XII вв. в Крыму // **Византийский Временник**. 29. Москва, 1968.
- Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Ленинград, 1983.
- Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // **Византийский Временник**. Т. 52. Москва, 1991.
- Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. Москва, 1983.
- Стржелецкий С.Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // **Сообщения Херсонесского музея** 4. Симферополь, 1969.
- Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // **МИА**. Москва, 1953.
- Хайрединова Э.А. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // **Херсонесский сборник**. X. Симферополь, 1999.
- Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // **МАИЭТ**. Вып. XIII. Симферополь, 2007.
- Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсонеса в IV веке // **МАИЭТ**. IV. Симферополь, 1994/1995.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора. Москва, 1980.
- Шмит Ф.И. Эски-Керменская базилика // **ИГАИМК**. Том XII, Ленинград, 1932.
- Яйленко В.П. О корпусе византийских надписей в СССР // **Византийский Временник**. Т. 48. 1987.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // **МИА**. № 63. Москва, 1959.
- Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Москва, 1964.
- Якобсон А.Л. О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // **КСИА**. Вып. 140. Москва, 1974.
- Aibabine A.I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien et dans la Gothie de Crimée aux VI e – VIII e s. // Ch. Eluère (Hrsg). **Outils et ateliers d’orfèvre des temps anciens**. Saint-Germain-en-Laye, 1993.
- Aibabin A. On Byzantium’s northern border: the rural population of the mountainous Crimea in the 6th to 9th centuries // **Les villages dans l’Empire byzantin (IV–XV siècle)**. Paris, 2005.
- Aibabin A.I. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // **La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar**. Paris, 2006.
- Ajbabin A. Das frühbyzantinische Chersonesos/Cherson // F. Daim / J. Drauschke (Hrsg.). **Byzanz – das Römerreich im Mittelalter**. Monographien RGZM 84,2,1. Mainz, 2010.
- Blockley R.C. **The history of Menander the Guardsman**. Liverpool, 1985.
- Charles R.H. **The cronicle of John (c. 690 A. D.) coptic bishop of Nikiu**. London, 1916.
- Codex Theodosiani: Codex Theodosiani** / Ed. Th. Mommsen et P. Meyer. I–II. Berlin, MCCCXV.
- Corpus juris civilis: Corpus juris civilis**. Vol. III. Novellae / Ed. R. Schoell, G. Kroll. Berolini, 1895.
- Dagron G. L’Empire Roman d’orient au IVe siècle et les traditions politiques de l’hellénisme // **ТМ**. 3. Paris, 1968.

- Dagron G. Naissance d'une capitale.* Paris, 1974.
- Feissel D.* Nouvelles données sur l'institution du πατήρ τῆς πόλεως // G. Dagron et D. Feissel (Hrsg). **Inscriptions de Cilicie.** Paris, 1987.
- Feissel D.* L'empereur et l'administration impériale // C. Morrisson (Hrsg). **Le Mond Byzantin. I.** Paris, 2004.
- Foss C., Winfield D. Byzantine fortifications.* An introduction. Pretoria, 1986.
- Grierson Ph. Catalog of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection 2.* Part 1. Washington, 1968.
- Hamilton F.J., Brooks E.W. The Syrian chronicle known as that of Zachariah of Mytilene.* London, 1899.
- Hermiae Sozomeni.* Historia ecclesiastica / Ed. J.-P. Migne // **PG.** Tomus LXVII. Paris, 1859. Reprint by Brepols, Turnholti, 1983.
- Iordanis. Romana et Getica.* Rec. Th. Mommsen. Monumenta germaniae historika. Tomi V. Berolini, MDCCCLXXXII.
- John Malalas. The chronicle.* Melbourne, 1986.
- Jones A.H.M. The Later Roman Empire.* Vol. I, II. Baltimore, 1992.
- King N.Q. The 150 Holy Fathers of the Council of Constantinople 381.* **Studia Patristica.** Vol. I. Berlin, 1957.
- Lassus J. La Forteresse byzantine de Thamugadi. Fouilles à Timgad 1938–1956.* Paris, 1981.
- Lauffray J. Halabiyya-Zenobia place forte du limes oriental et la Haute-Mésopotamie au VIe siècle.* Paris, 1983.
- Lawrence A.W. A skeletal history of Byzantine fortification.* Annu. British School. Athens 78, 1983.
- Migne J.P. Patrologie Cursus Completus. Series Latina.* CXXIX. Paris, 1864.
- Moravcsik Gy. Byzantinoturcica.** II. Berlin, 1958.
- Nikephoros patriarch of Constantinople short history** // Text, tr. and com. by Mango C. Washington, 1990.
- Obolensky D.* The principles and methods of Byzantine Diplomacy // **Actes du XIIe congrès International d'Etudes byzantines I.** Belgrade, 1964.
- Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste.* Berlin – New York, 1990.
- Prisciani Grammatici.** Caesariensis Institutionum Grammaticarum / Ed. M. Hertzii. Leipzig, 1855. Libri XVIII.
- Procopius. De Bello Persico.* Opera Omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth // **Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana.** Vol. I. Lipsiae, MCMLXII 1–304.
- Procopius. De Bello Gotico.* Opera Omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth // **Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana.** Vol. II. Lipsiae, MCMLXIII.
- Procopius. De Aedificiis.* Opera Omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth // **Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana.** Vol. IV. Lipsiae, MCMLXIV.
- M. Le Quien. Oriens Cristianus.* Vol. I. Paris, 1740.
- Notitia dignitatum;** accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi prouinciarum / Ed. O. Seeck. Berolini, 1876.
- Sarnowski T. Wojsko rzymskie w mezji dolnej i na północnym wybrzeżu morza Czarnego.* Novaensia 3. Lodz, 1988.
- Sodini J.-P. La contribution de l'archéologie à la connaissance du monde byzantin (IVe-VIIIe siècles).* Dumbarton Oaks Papers 47. 1993.
- The Oxford Dictionary of Byzantium.** New York – Oxford, 1991.
- Vasiliev A.A. The Goth in the Crimea.* Cambridge, 1936.
- Walter C. The warrior Saints in Byzantine. Art and tradition.* Bodmin, 2003.
- Zosime. Histoire nouvelle.* Tome II / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1979.
- Zuckerman C. The early byzantine strongholds in Eastern Pontus.* TM. 11. Paris, 1991.